

ПОРОГ НЕВОЗВРАТ

А
У
Э
З
Х
А
Н

Ауэзхан Кодар

Порог невозврата

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8201386
Порог невозврата / Ауэзхан Кодар: Золотой век; Алматы; 2013
ISBN 9965-19-331-2

Аннотация

Повесть, составляющая основу этой книги, посвящается незаконнорожденному поколению, интеллигенции 90-х. Это действительно было поколение уже не советское, но еще не вписавшееся в глобализацию и «парад суверенитетов». 90-ые это такая щель во времени, когда прошлое тотально критиковалось, но то новое которое постепенно возникало в настоящем пока тоже было вне признания обществом, хотя уже не было андеграундом. И, тем не менее, плодами всего этого воспользовалось старшее поколение, те, кому в 90-е было по 50–60 лет. Это они тогда господствовали и в политике, и в литературе, и в искусстве, иначе говоря, буквально во всем, упорно не воспринимая то новое, что начало появляться на их глазах, из года в год обретая все более уверенные очертания.

Содержание

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...	4
Порог невозврата	6
В Америку!	6
В обворованной квартире	9
В хтоническом мире	13
В плену у мисс Ноль	21
В казино	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ауэзхан Кодар Порог невозврата

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...

Я, как и многие у нас в республике, давно знаю Ауэзхана Кодара, как поэта, культуролога и публициста, пишущего на двух языках, а также талантливого переводчика казахской национальной поэзии. Тем приятнее было узнать, что у него вышла новая книга, на этот раз – сборник прозаических произведений. В общем-то, их не так уж и много по объему – повесть, два рассказа, три эссе и подборка афоризмов. Однако тут дело не в объеме – каждый жанр настолько выдержан, что составляет особую грань по своей ювелирной отделке. В книгу вошли произведения разных лет, но мне хотелось бы остановиться на его самой свежей вещи – повести (так у автора обозначено) «Порог невозврата». Кстати, и вся книга носит то же название. И это неслучайно.

На мой взгляд, всё творчество А. Кодара – чёткое осознание того, что он – писатель рубежа веков. Об этом когда-то писал французский литератор Макс Нордау как о комплексе «конца века» («fin de siècle»), когда все устои в таком переходном обществе расшатываются, старые нормы не действуют, а новые не наработаны. Так, в предисловии к своему стихотворному циклу «Римские мотивы» в 1998 г. Кодар писал: «Как известно, существуют два вида поэзии: нормативная и ненормативная. Последнюю еще называют альтернативной. А суть ее в том, что “низ” преобладает над “верхом”, либидо – над разумом, вытесненное – над вытесняемым. Ее стиль – это брань, эпатаж, анально-фаллические образы. Словом, это эстетический перевертыш, уравнивающий в правах попорченные стороны человеческого естества.

Особенного расцвета такого рода поэзия достигает в переломные эпохи, когда положительное исчерпывает свой потенциал. Поэты как-то вдруг обнаруживают, что им нечего воспевать. Одический стиль вынужден профанироваться, или перейти к культу негации. Так, цезаристский Рим, растоптавший республиканские ценности рождает Катутла, средневековая Франция – Рабле и Франсуа Вийона, екатерининская Россия – Баркова». Далее, в 2004 г. Кодар выпускает стихотворный сборник «Цветы руин», где в цикле верлибров «Мисс Ноль» описывает то, что народилось на руинах прошлого. И вот перед нами повесть «Порог невозврата», которая по широким обобщающим мазкам и плотности описания скорее выполняет функцию романа. Это роман о том, что не так легко вырваться из прошлого и что непрерывное прошлое – душитель настоящего, чьи едва окрепшие ростки никак не могут развиваться во что-то самостоятельное и аутентичное, поскольку произросли на той почве, где ранее не произрастали. И тут опять вспоминается М. Нордау: «Лишь самое ничтожное меньшинство находит искреннее удовольствие в новых направлениях и убежденно провозглашает, что в них и спасение, и надежда, и будущность. Но это меньшинство наполняет собою всю видимую поверхность общества, подобно тому, как ничтожное количество масла широко распространяется на поверхности моря». На деле, это меньшинство выглядит как тонкая плёнка, которую даже не устаивают взгляда, поскольку не чувствуют за ней ни силы, ни влияния. Особенность подхода Кодара в том, что он берет очень влиятельную личность, бывшего депутата, популярного деятеля 60-х и в один прекрасный момент лишает его влияния и веса, и, помещая в безнадежную обстановку 90-х, производит с ним такие манипуляции, что тот начинает понимать, в каком государстве живёт. Ведь одно дело, когда ты наверху, где буквально всё к твоим услугам, а другое – если ты на самом низу, где никакими перспективами и не пахнет. Как жить в таком обществе и общество ли это вообще? – как бы спрашивает автор.

Это парадоксальный роман, который я назвал бы романом без героя, поскольку главный персонаж – «уже не герой», а его антогонисты – «ещё не герои». Если остановиться на жанре – это фантазмагория в духе Кафки, когда автор без всяких логических предварений помещает персонаж в ситуацию, где с ним могут происходить самые невероятные превращения. Это напоминает и «Золотого осла» Апулея, и «Человека без тени» Шамиссо, ведь главный персонаж повести, Агзамыч, вынужден играть роль созерцателя, который как бы построен всему, поскольку в силу ряда обстоятельств лишен хварны, или богоизбранности.

В казахской литературе последних лет я не встречал такого сложного персонажа. И это происходит оттого, что сам автор относится к нему неоднозначно – он то подшучивает над ним, то в чём-то ему сочувствует, то стирает его в порошок, то начинает возвышать и даже ставит на котурны и вследствие этого персонаж этот как живой и напоминает многих наших современников. Но на деле, это собирательный образ наших шестидесятников, которые вполне процветали в советское время и в то же время считались диссидентами. На мой взгляд, эта двойственность, или можно сказать, талейрановская гибкость, сопровождает их и в наше время. Не потому ли так часто говорят в наших оппозиционных рядах о конформизме казахстанской интеллигенции?

Да и само название романа «Порог невозврата» как бы настаивает на этой двойственности. Почему «невозврат» и невозврат к чему? Вот о чём надо задуматься читателю. Видимо, всё-таки речь идёт о невозврате к прошлому, от которого мы никак не откажемся. Ведь сколько времени прошло, а мы всё ностальгируем по советской эпохе. Пора бы уж кончать с этим, – как бы призывает автор. Мы живем в совсем другое время и в другой стране. Ещё Кафка писал, что существует точка невозврата и что ее не надо бояться, ее надо достичь.

В романе много говорится о современных течениях мысли на Западе, в том числе, и о постмодернизме. Чувствуется, что автор не чужд этого направления и его роман в известном смысле можно назвать постмодернистским. Ведь постмодернизм – это не только цитатничество, главным образом, это преодоление бинарных оппозиций и культивирование того, что обретается на маргиналиях, т. е. вне официального или общественного признания и, не смотря на это, живет своей полнокровной жизнью.

В этой книге всё берется в одном потоке: и высокое, и низкое, и общее, и частное, и национальное, и наднациональное. Причём здесь ничему из этого не отдаётся предпочтение, всё вышеназванное подвергается предельно критическому рассмотрению, можно сказать, на грани цинизма. Автор воспринимает наше общество совершенно изолгавшимся и деморализованным. А ложь, превращённая в политику – это болезнь, которую надо лечить путём хирургического вмешательства. Иначе будет поздно. Порог невозврата так и не будет перейдён. А порог этот перейти надо бы, для этого ныне у нас есть все возможности, кроме былой казахской эскапады, на которую и вынужден был пойти наш замечательный автор – Ауэзхан Кодар.

Что касается названия моей статьи, я позаимствовал ее из «Апеллесовой черты» Бориса Пастернака. Помните ее начало:

«...Передают, будто греческий художник Апеллес, не застав однажды дома своего соперника Зевксиса, провел черту на стене, по которой Зевксис догадался, какой гость был у него в его отсутствие. Зевксис в долгу не остался. Он выбрал время, когда заведомо знал, что Апеллеса дома не застанет, и оставил свой знак, ставший притчей художества».

Так и здесь, читателю, чтобы пробиться сквозь череду искусно воздвигнутых наслоений, нужно стать почти соавтором данного произведения. Не правда ли, почетная миссия?

Берик Джилкибаев, доктор филологических наук, писатель

Порог невозврата Роман

*Незаконнорожденному поколению, интеллигенции 90-х
посвящается*

В Америку!

Агзамов проснулся в прекрасном расположении духа. Голова чуть побаливала, но в теле была необыкновенная легкость. Сразу же вспомнился вчерашний банкет: чем больше пели ему дифирамбы, тем воздушней он себя ощущал и под конец окончательно впал в эйфорию. Банкетный зал был весь в зеркалах, и лысина Агзамова отражалась в них тысячекратно. Чем больше было славословий, тем больше витал он в облаках, как бог в жертвенном дыме, и в какой-то момент почувствовал, что не существует, достиг нирваны. И это ощущение повторялось несколько раз: когда сам Кулмуратов поздравил его с орденом, когда с другого конца стола его бывшая жена Азалия, сияя, как дворцовая люстра, подняла большой палец и когда юная официантка, которую он приметил с начала банкета, подавая коктейль, кинула на него обворожительный взгляд, полный преданности и покорности.

Правда, когда они оживленной толпой выходили из ресторана, к нему бросился какой-то бродяга в куцем коричневом пальто, с лохматыми, давно немытыми волосами. Он размахивал какой-то книгой и кричал что-то нечленораздельное. Охрана быстро убрала его с дороги, но Агзамова неприятно поразила недобрая ухмылка, переходящая в косой шрам, как бы увеличивающий эту ухмылку до бесконечности.

«Как же звали этого беднягу из Гюго?», – подумал Агзамов. – Кажется, Гуинплен... Ну и рожа... Где-то я его видел», – бессильно ворохнулось в мозгу. Агзамова охватило чувство смутной тревоги. Однако когда он уселся на заднее сидение «Ландкрузера», салон которого окунал в благоухающую атмосферу комфорта, Агзамов опять впал в эйфорию, близкую к несуществованию.

И вот теперь, проснувшись после банкета, Агзамов был рад, что существует, что договор с жизнью не расторгнут, что кожа шелковиста, а тело сибаритствует в приятном предощущении утренней зарядки.

По обыкновению он встал, и хотел было приняться за зарядку, но вдруг заметил что-то странное: на подушке и вдоль нее были рассыпаны какие-то коричневые зерна или дробинки, или родинки. Да, кажется, родинки. Рука Агзамова невольно потянулась к шее, где у него с юношеского возраста была целая россыпь то ли папиллом, то ли родинок, которых так и не удалось вывести в течение всей жизни. И вот, пожалуйста, – теперь они сами выпали, все в один день. Шея стала гладкой как каток, пальцы так и скользили, не натываясь ни на что. Агзамову стало неуютно, как будто он лишился какой-то защиты, как будто маленькие славные гномики, преданно прилепившиеся к его шее сегодня, исчезли, даже не попрощавшись. Агзамов принес с туалета совок, ладошкой ссыпал туда все родинки с подушки и постели, пошел в туалет и бестрепетно выкинул их в мусорницу. Это была особенность его характера. Странности не волновали его – то, что он не понимал, сразу выносил за скобки, выбрасывал из своей жизни.

Он подошел к окну, открыл форточку, сделал несколько взмахов руками и ногами, помотал головой, покосил глазами, сделал несколько вдохов и выдохов, посидел, отдохнул и пошел в ванну. Там он разделся и принял душ. При этом он полностью отдавался под власть

теплых, нежных струй, глотал и сплевывал воду, сунул руку в пах и несколько минут стоял, держа на весу одрябшие яйца. «Вот бы увидела меня Аделаида Николаевна, мой заместитель», – лукаво подумал Агзамов, – мгновенно убирая руку со срамного места. Скользнув в халат, он почистил зубы и стал бриться. Процедура бритья всегда освежала Агзамова. Ему было приятно видеть, как в зеркале вместо заспанного брюзгливого типа с мешками под глазами появляется бодрячок с розовеющими щечками и озорным взглядом ласкающих и ласкающихся глаз.

Вот и сейчас тщательно побрившись, он посмотрел в зеркало и... оторопел. Лицо должно оставаться небритым. Станок выпал из его рук, он нагнулся, поднял его и снова посмотрелся в зеркало. На этот раз все было в порядке. Он увидел свою гладко выбритую физиономию, пристально всматривающуюся в зеркало. Не обнаружив далее ничего необычного, Агзамов пошел на кухню и приготовил себе кофе. В задумчивости закончив утреннюю трапезу, Агзамов взял заготовленный с вечера портфель и вскоре вышел во двор, где его ждал служебный «Ландкрузер». По обыкновению, Агзамов закурил и стал ждать, когда к нему подбежит улыбающийся водитель, чтобы проводить до машины. Однако из машины никто не вышел. Докурив сигарету, Агзамов подошел к машине, открыл дверцу, и, поднял было ногу, чтобы сесть, но тут его остановил строгий водительский окрик: «Извините, Вы кто?».

– Азар, да это же я, – смущенно пролепетал Агзамов.

– Извините, это машина Агзамова, – не допускающим возражения тоном, – сказал Азар. – Вы, наверное, что-то перепутали.

– Но ведь я и есть Агзамов, – растерянно улыбнулся Агзамов.

– Ты что, дядя, с луны упал, – усмехнулся водитель. – А ну, катись отсюда!

Дверь салона захлопнулась. Агзамов чуть не заплакал. Он и думать не мог, что милашка Азар, который упреждал малейшее его желание, может оказаться таким грубым и бесцеремонным.

Но Агзамову было некогда. Ему нужно было бежать на работу, в офис, где он должен был принять писателя из Франции, которому назначил встречу на десять ноль-ноль. Кроме того, сегодня после обеда он должен был лететь в США по приглашению одной международной организации. «А тебе я припомню!» – подумал Агзамов, хлопотливо пробегая мимо огромного «Ландкрузера», равнодушного, как мертвый динозавр. И было понятно, что мысль эта относится к шоферу, которого совсем не было видно за тонированными стеклами.

Агзамов поймал такси и поехал на работу. Но стоило войти ему в приемную, как секретарша, всегда такая милая, ласковая, можно сказать, само обаяние, уставилась на него круглыми глазами.

– Уважаемый, Вы к кому?

Агзамова передернуло от этого грубого, неприветливого тона.

– Сания, это же я, Агзам Агзамович, – еле выдавил он из себя.

– Вы посмотрите на себя, – раздраженно сказала секретарша, встала из-за стола, и, подойдя к нему, подвела его к зеркалу.

Агзамов посмотрел на себя и опешил. Перед ним стоял человек очень похожий на Агзамова, но не Агзамов, далеко не Агзамов и даже близко не Агзамов, а какая-то жалкая пародия на этого великого человека. Высокий сократовский лоб переходил в бездарную «виннипуховскую» плешь, великолепный нос с патрицианской горбинкой был красным как после недельной пьянки, чувственные губы с вычурным рисунком мелко дрожали, красивый овальный подбородок неожиданно ставший квадратным, подрагивал, на щеках почему-то была какая-то сивая щетина, где седина выпирала самым предательским образом. Любая самая жестокая пародия не могла бы оскорбить Агзамова сильнее, чем эта обыденная реальность.

Сузившимися, маленькими, свиными зрачками он зло посмотрел на секретаршу и кинулся вон из приемной. Агзамов бежал по длинной улице Фурманова и, казалось, что все зеркала и витрины этого некогда прекрасного города бегут за ним и пытаются поймать его в свой перекосившийся фокус. Ему хотелось поломать все витрины, все отражающие поверхности, смять все встречные улыбки, ибо все это теперь было не для него. В мире произошел какой-то сбой, Агзамов выпал из согласного течения времени. Мир всегда бывший таким благожелательным к нему, вдруг стал равнодушным и серым.

Агзамов судорожно вытащил мобильник и стал набирать номер Кулмуратова. Увы, сотка «сдохла». Вчера он забыл ее выключить, а сегодня она уже не работала. Агзамов стал лихорадочно думать, к кому пойти. Единственный сын жил в Сингапуре, с женой он давно был в разводе, правда, она вчера так сияла, так гордилась им. Но что если и она его не узнает? Этого он не смог бы перенести. В создавшемся положении лучше затаиться и выждать, разведать ситуацию.

«Надо же, меня не узнают! – обиженно подумал Агзамов. – Меня-то, сына великого Агзамова, интеллигента в третьем поколении! Я круглый год вещаю им по «ящику», направо и налево раздаю интервью, состою во всех долбанных комитетах и комиссиях. Меня даже в аулах знают. Вон недавно в Атырау джип подарили!»

– Постой, постой, – вдруг запаниковал Агзамов. – А как же мой счет в банке? Неужели и он исчез?.. Он сунул руку во внутренний карман пиджака и обомлел, кредитной карточки не было. По телу Агзамова пошла противная дрожь, ноги подкашивались, ему пришлось прислониться к дереву, и только усилием воли он не упал. Дело в том, что в кармане не было и паспорта. Не говоря уж об авиабилете, которого тоже почему-то не было.

В обворованной квартире

Через несколько минут он сидел в такси и мчался домой. Рассчитавшись с таксистом, Агзамов не дожидаясь лифта, бегом поднялся на пятый этаж. Он только потянулся к ключу как увидел, что дверь открыта. Он быстро кинулся в проем двери. В квартире всё было вверх дном. Прямо перед ним лежал раскрытый чемодан со всяким вываленным барахлом, по всей квартире были разбросаны его вещи и рукописи. Агзамов бросился в кабинет, к сейфу, но, увы, сейфа не было, а значит, вместе с ним исчезли и все документы, счета в банке, кредитная карточка. Агзамов как будто окатили холодной водой. Он нелепо стоял с холодеющим сердцем и выпученными глазами. Потом какая-то мысль посетила его и, кинувшись к шкафам, он в поисках чего-то, стал вываливать книги. Только изрядно покопавшись, он понял, что ищет совсем не там, и увидел то, что так безуспешно искал. Это был черный толстый Коран еще дореволюционного издания, он преспокойно стоял на верхней полке соседнего шкафа. Агзамов с трепетом взял Коран, прижал его ко лбу, поцеловал, но вдруг священная книга вывалилась из его рук. Агзамов нагнулся его поднять, но увидел, что рядом с книгой лежит булыжник. Бедный Агзамов совершенно не понимал, откуда взялся этот булыжник. «Словно с неба свалился!» – мелькнуло в его мозгу. Рядом валялся раскрытый Коран, Агзамов поднял его, перелистнул, и, вдруг в самой середине книги увидел зияющую дыру с неровными округлыми краями, примерно напоминающими форму булыжника. Агзамов вставил в дыру бугристый овальный камень, покрашенный в зеленый цвет, и он лег туда как родной.

Первое что пришло в голову Агзамову, что над ним здорово поиздевались. Дело в том, что этот Коран был единственным наследством от отца, Агзам хранил его еще с советских времен, когда такие вещи хранить не полагалось. Арабский язык он так и не изучил, поэтому книга представляла для него даже не антикварный интерес, а родовое наследие: ведь они происходили из рода ходжа, который не принадлежал ни к одному из казахских жузов¹, а был самостоятельным ответвлением из рода Мухаммадова, поскольку эти ходжи были арабскими миссионерами, пастырями исламской духовности в бескрайних просторах казахской степи. Надо признаться, что Агзамов с детства рос атеистом, но его приятно грела причастность к духовному нобилитету, пусть это даже и расходилось с его принципами и взглядами. И вот теперь его как бы спустили с неба на землю, показали его истинную сермяжную сущность, отобрали самое дорогое – его высокое происхождение и в связи с этим избранность, которую он ощущал чуть ли не с пеленок. Пусть мать была беременна им, когда отец был в тюрьме (кто из интеллигенции не сидел в сталинском 38 году?), пусть он рос в семье матери с названными братьями от других мужчин, но он всегда знал, что он иной, чем другие: умнее, лучше, духовней. Он с детства привык подчинять сверстников своему влиянию и никогда не стыдился своего высокомерия, он считал, что имеет на это законное право. Так что же теперь получается, он вырос с булыжником в сердце, когда все считали, что там лишь суры Корана? С ним совершили чудовищный акт духовной кастрации, и он должен это терпеть? Получается, что его не только ограбили, но и лишили ментальной сущности? Нет, он не потерпит этого, грабители должны быть наказаны. Агзамов кинулся к телефону:

– Алло, 02, милиция, вам звонит Агзамов! Меня ограбили! Когда? Откуда я знаю, когда?! Вот я прихожу, а квартира вверх дном, нет сейфа, нет документов! Что еще унесли? Так придите, черти, и посмотрите, я откуда знаю! Адрес? Октябрьская, 63 кв. 18, уг. Декабристов. Хорошо. Я вас жду.

Агзамов положил трубку.

¹ Жузы (от слова: жуз) – территориально-племенные объединения казахов. Их всего три: Старший, Средний, Младший.

– Кто же это мог быть? Что это за ограбление, скорее похожее на издевательство? Агзамов стал лихорадочно прокручивать в памяти образы своих недоброжелателей, тайных и явных недругов.

В последнее время он очень сузил круг своего общения: к нему приходил только племянник, сын его рано ушедшей из жизни сестры, старый друг Махди, соратник еще по молодежному объединению «Степные пегасы» и иногда заезжал Гадиков, которому с недавних пор подфартило стать сенатором. Но с этим они всегда встречались вне дома, где-нибудь в высокогорном кафе или роскошных апартаментах. В друзьях и близких Агзамов никогда не сомневался, очень им доверял и мысли не мог допустить, что кто-нибудь из них... Вдруг Агзамова перекошило, он подумал: а не есть ли это месть за его прошлую оппозиционную деятельность? Вот черти, значит, ничего ему не простили: ни уход из власти, ни создание своей партии, ни организацию многотысячных митингов?

Он вспомнил, как два года назад встречался с Президентом страны. Тот выглядел очень усталым, раздраженным, с мешками под глазами, но встретил его приветливо, вышел из-за стола, поздоровался за руку, усадил в кресло за журнальным столиком. Тогда-то они и договорились, что Агзамов не будет вмешиваться в политику и взамен за это через два года получит кресло министра культуры. Конечно, разговор выглядел не так цинично, речь шла об интересах нации, стабильности государства, о только что успешно проведенной демаркации границ. Пытливые, как бы воспаленные после бессонной ночи глаза Президента буравили Агзамова, как бы пытаясь вывернуть наизнанку его душу, но в душе Агзамова давно уже ничего не было, ни сопротивления, ни желания служить: мило улыбаясь, все время соглашаясь с доводами собеседника, Агзамыч в своей всегдашней элегантной манере выторговывал себе все что можно: должность директора института, череду зарубежных поездок, и под конец президент сам сказал, что перед Новым годом его наградят высшим орденом республики. Этот-то орден он и получил вчера, и вот, после столь замечательного события, такой жалкий конец. Значит, власть не простила ему ничего, – просто нейтрализовала на два года, пока он носился по разным странам, изображая из себя посла доброй воли и посредника в диалоге культур. Агзамыч-то думал, что он обыграет и оппозицию, и Президента, но получилось наоборот: оппозиция укрепляется, власть идет на все большие уступки, и только Агзамова – и та, и другая сторона – выкинули за ненадобностью, бросив орден как последнюю подачку.

Звякнул дверной звонок, это пришла полиция. В дверях показались молодой лейтенант и молодая женщина в форме. Лейтенант строго предупредил Агзамова, что нельзя ничего трогать и, пройдя на кухню, стал допрашивать потерпевшего.

– Прошу ваше удостоверение личности.

– У меня сейчас его нет. Понимаете, я его обычно держу в бардачке служебной машины, вместе с правами...

– Ладно, поверим на слово. Итак, фамилия, имя, отчество?

– Агзамов Агзам Агзамович, – и он расплылся в снисходительно-валяжной улыбочке, ожидая привычной фразы: «Неужели тот самый?!». Однако лейтенант не выразил никаких эмоций и продолжал задавать очередные протокольные вопросы. То показываясь в дверях, то исчезая, женщина фотографировала тут и там вываленное барахло. Когда Агзамов сказал, что его главным образом интересует похищенный сейф, лейтенант спросил, что было в сейфе. И вот тогда Агзамова как будто ошпарили: там был золотой скарабей, подаренный ему Министром культуры Египта. Агзамыч не был суеверным человеком, но с тех пор как он заполучил этот символ бессмертия и вечной жизни, его здоровье значительно улучшилось и даже в сексуальном плане что-то, наконец, опять замаячило. Так что же это получается? Черт-те что, колдовство какое-то!

– Там, знаете, были все документы, и... кредитная карточка... и...

– Ну, продолжайте, продолжайте!

– Э-э-э... как бы это правильно сказать... золотой скарабей... ну, статуэтка такая... ее мне в Египте подарили... Я обычно держу ее в банке... а вчера на банкете решил показать друзьям... сегодня с утра уехал на работу... думал, сдам в банк позже... и вот...

– И сколько весила эта статуэтка?

– А это обязательно записывать? – глупо спросил Агзамов.

– Ну, конечно, а иначе как мы ее отыщем, без всяких примет и описаний?

– Один килограмм, – меланхолично заявил Агзамыч.

– Не может быть! – подскочил лейтенант.

– Я вам могу показать документы. Это подарок из Египта. Впрочем, документы тоже были в сейфе.

Агзамов уже не знал что говорить, вернее, теперь он мог говорить, что угодно. Все дороги вели только к сейфу.

– А как выглядел этот ваш сейф, – спросил лейтенант.

– Ну, такой большой, на двести килограмм, – ответил Агзамыч.

В это время торкнулись в оставшуюся незапертой дверь, и четверо дюжих парней еле втащили в прихожую сейф где-то на метр двадцать. Выскочившие в прихожую Агзамов и лейтенант не знали что сказать. Женщина мгновенно сфоткала вошедших. Парни оставили сейф посреди прихожей и ушли.

– Это ваш? – спросил наконец лейтенант.

– К-к-кажется мой, – еле выдавил из себя Агзамов.

– Вот видите, целехонький! – обрадовался страж правопорядка. – Может, над вами друзья подшутили? – выдвинул он, как показалось ему, бодрую гипотезу. – Ну, что стоите, открывайте!

Женщина подошла и сфоткала уморительную ситуацию: Агзамов стараясь оттеснить лейтенанта, стал набирать код. Сейф не открылся. После нескольких неудачных попыток, включилась сигнализация. На звук сирены в прихожую ворвался грузный мужчина лет тридцати в золотых очках на надменном носу. Увидев дома трех незнакомых людей, причем двоих в форме милиционера, он сразу оценил обстановку.

– Во, ментура работает, что, задержали ханурика?

Кровь бросилась в голову Агзамова.

– Какого ханурика? Я хозяин этой квартиры, а ты кто такой?

– Это я хозяин, а ты вор, пойманный с поличным. Не правда ли, он пытался проникнуть в мой сейф? – незнакомец со значением посмотрел на лейтенанта. Все повадки этого самоуверенного грузного человека выдавали в нем ненароком разбогатевшего вышибалу, которых ныне так много развелось на постсоветском пространстве. Молодой лейтенант столь грозный с Агзамовым, теперь стушевался и пролепетал что-то невнятное. Даже женщина-мент не посмела сфоткать вошедшего. Крайне возмущенный Агзамыч с кулаками бросился на ухмыляющегося верзилу. Но тот так дал ему в лоб своим выступающим животом, что Агзамыч навзничь шмякнулся на пол. Лейтенант, бросившись к Агзамову, помог ему встать, и они вдвоем стали наседать на верзилу.

– А ну вон из моей квартиры! – опять полез на рожон Агзамов.

– Ваши документы, – холодно спросил представитель власти. Собравшаяся с духом женщина сфоткала подозрительного типа.

Человек полез в карман и спокойно предъявил документы.

– Басманов Ашот Азраилович, 1973 года рождения, казах.

– Где работаете?

– Знаешь, есть такая компания «Казахский кобель», ой, что я несу, «Казкабель», так вот я хозяин этих всех кабелей, – довольно плоско пошутил Басманов.

– Позвольте, удостоверение.

Удостоверение тоже оказалось в порядке.

Но лейтенант не унимался.

– Теперь объясните, зачем Вы вторглись в чужую квартиру?

– Я не вторгся, а вошел. Это квартира по ул. Октябрьской? Вот смотрите, у меня ордер. У него, и в самом деле, был ордер на квартиру по указанному адресу.

Лейтенант, переводя взгляд то на верзилу, то на Агзамыча, не знал, что и думать. Верзила нагнулся и что-то шепнул ему на ухо. После этого многозначительного сообщения, лейтенант воззрился на Агзамова.

– Извините, уважаемый, а где ваши документы?

– Я же сказал, в сейфе.

– Но это оказался не ваш сейф.

– Но у меня тоже был сейф!

– А чей же тогда этот сейф?

– Не знаю, кажется, не мой.

– Зачем же вы тогда пытались его открыть?

Взбешенный донельзя Агзамов не знал, что ответить.

– Ты, продажная тварь, – зашипел он на лейтенанта. – Этот отморозок подкупил тебя, да? Ну, смотрите у меня, я выведу вас всех на чистую воду – он попытался прорваться к двери, но там стоял верзила. Агзамыч попятился к стражу порядка. Приговор лейтенанта был суров и краток.

– Ну, уважаемый, придется вас забрать до выяснения личности. Окончательно пришедшая в себя женщина сфоткала и Агзамова, и, на всякий случай, Басманова. Вскоре с руками, сцепленными за спиной наручниками, Агзамыча везли в опорный пункт милиции.

В хтоническом мире

...Очнулся он в КПЗ, в просторечии обозначаемом как «шлакушник». Рядом кто-то пел, кто-то блевал, какой-то русский – широкоплечий, в длинном черном плаще, – толкался в зарешеченную дверь. В тусклом свете подслеповатой лампочки кто-то лохматый и небритый читал толстую книгу. От смрадного дыхания сокамерников стояла страшная вонь. У Агзамова застучало в висках, к горлу подступил жуткий ком тошноты. Агзамов еле сдержал себя. Между тем, русский гигант несколько раз постучав в дверь, повернулся и направился к лохматому книгочею.

– Эй, хватит читать, это тебе не изба-читальня. Нашел, где просвещаться.

– Как говорил Гераклит: и здесь обитают боги, – буркнул книгочей совершенно машинально.

– Не густо нас тут, богов, – печально констатировал гигант, обведя взглядом не слишком уважаемых сокамерников. – Правда, вот только что товарища подвезли. – Товарищ, вы кто такой будете и как дожили до жизни такой? – вежливо, но прямо обратился он к Агзамову.

– Думаю, я тут не задержусь, – уверенно заявил Агзамов. – Ошибочка, какая-та вышла.

– Вот-вот! – бодро поддержал его гигант. – На первый взгляд, ошибочка, а там, глядь, и в правило превращается. – Я первым на нашем совке «Битлов» перевел на русский, а где сейчас я, где «Битлы»?

– «Битлы», «Битлы»! – вдруг возмутился книгочей, захлопнув свою книгу. – «Йестедэ-э-эй», – протянул он, как будто играя на гитаре. – В том-то и дело, что они сейчас – вчерашний день. Я согласен, что это лучшие модернисты, утвердившие в мире культ электрогитары. Но ныне бал правят не они.

– Танат, ты опять о своих постмодернистах? – усмехнулся гигант. – Так им еще далеко до мейнстрима! Тем более – у нас! Да они и сами против, чтобы их сводили в какое-то общее течение.

– Это не течение, а состояние, состояние после всего, что случилось с культурой в XX веке.

– И что это за состояние?

– Это такой сильный похмельный синдром после слишком большой веры в Разум. Крах нацизма и коммунизма показал, что нельзя верить во что-то одно, что не только сон разума, но и сам разум рождает чудовищ, когда слишком переоценивает свои возможности. И вообще нет платоновского мира идей, разум находится в языке.

– И, значит, мир – это текст?

– Да, с этим ничего не поделаешь. Все в этом мире, действительно, только текст, иначе мир не интеллигибелен.

– Папаша, ты согласен? – повернулся гигант к Агзамову.

– Знаешь, – улыбнулся Агзамов. – Мы – восточные люди, а на Востоке мир – скорее подтекст, а не текст. И я думаю, что это правильно.

– Оригинальнейшая трактовка теории Дерриды! – осклабился гигант.

– Да он о нем скорее ни сном, ни духом, – грустно констатировал Танат.

Агзамыча оскорбило, что эти, по всему виду, пауперизованные элементы еще смеют посягать на его интеллектуальную экипировку.

– Слушайте, молодой человек, – весьма вежливо обратился он к книгочею, – что вы имеете против подтекста?

– Да ради бога! – широко махнул рукой Танат, – только сначала текст, а потом подтекст, сколько угодно подтекстов. Но если нет текста, извините, никакого подтекста не будет.

– Ну, хорошо! – хитро улыбнулся Агзамыч. – Вы хотите отсюда выйти?

– Хотим! – сказал гигант.

– Тогда зови начальство.

Гигант заколотил в дверь. К зарешеченной двери подошел сержант.

– Чего надо?

Но тут к двери подошел Агзамыч и что-то шепнул на ухо сержанту. Сержант, как говорится, не повел и ухом. Тогда он вынул из кармана минииздание своего отца Агзамова и показал милиционеру.

– Ну, знаешь, кто это? – и указал на фамилию своего отца.

– Аг-зам Аг-за-мов, – прочитал по слогам сержант.

– Знаешь, кто он такой?

– Не-а.

– Лауреат Государственной премии СССР. А я его сын. Понимаешь?

– Ну и что?

Тут к Агзамычу подошел гигант и, дыша ему в лицо перегаром, спросил:

– Ты че ему мозги паришь? Ты же не Агзамов.

– Как не Агзамов? – возмутился Агзамов.

– Ты на себя посмотри – нет в тебе никакого лоска, гонора, какой же ты Агзамов? Между прочим, вчера по «ящику» передавали, что сегодня он летит в Америку, – выказал немалую осведомленность гигант. – Знаешь че? – еще плотнее придвинулся он к Агзамову. – У тебя бабки есть?

– Есть немного, – попытался уклониться Агзамов.

– Дай ему бабки и всего делов, – усмехнулся гигант. Тогда он и тебя отпустит и нас тоже отпустит. Мы ж не дадим пропасть друг другу? – обратился он к стражу закона и не успел тот что-то ответить, всунул ему весомые купюры, охотно предложенные Агзамовым.

– Вещи при вас? – спросил он для порядка. Но тройка уже бодро мчалась к выходу.

– Пойдешь с нами? – сказал гигант, когда они вышли во двор.

– А куда с вами?

– В царство Аида, к Танатосу.

– Это где?

– В микрах, где еще?

Агзамыч задумался. Он понимал, что идти ему некуда, но и с этими идти не хотелось.

– Знаете, у меня столько дел. Вот держите на такси и до свидания.

– Слушай, друг, шланги горят, ты бы дал на похмелье-то?

– А ты, я гляжу, не прост, палец дашь, руку откусишь! На вот бери, что даю и будь доволен, – Агзамов вручил гиганту всякую мелочь и заспешил подальше от этих сомнительных личностей.

– А все-таки подтексты твои не помогли, – бросил ему в след гигант и они с Танатосом не спеша зашагали в сторону микрорайонов. «Бабло оно и в КПЗ бабло!» – прозвучало напоследок в пространстве.

Агзамов шел и думал: «Куда я иду? Этих я и за людей не посчитал, а самому мне и идти-то некуда. Нет, надо обратно в милицию. Я им должен заявить, что я потерялся, что я это я!».

Он нехотя повернул в сторону опорного пункта. После утреннего пробуждения в «отстойнике» ему не хотелось иметь дела со стражами порядка. Как-то не верилось, что это учреждение для установления истины, или для сочувствия человеку.

Его мысли потекли в другую сторону.

«...Но как они меня опознают? Ведь паспорт-то дома. Фу, какую чушь я несу! Не знал, что так трудно, удостоверить других в том, что ты это ты. За сорок лет в казахской культуре я стал знаменитым, как пропись. И вот, пожалуйста, теперь меня никто не узнает».

Он подошел к полупустой остановке и сел на скамейку. Раньше все сбежались бы к нему, стали бы просить автограф, говорили бы, как его любят, чтят, обожают, как любят его телепрограмму. Теперь людям нет до него дела, каждый ждет своей маршрутки или автобуса.

Агзамов тяжело поднялся и пошел куда глаза глядят.

Немного подумав, Агзамов вспомнил Радика, или Радия Гадикова, «главу голубого экрана» как называли его друзья. Как он не подумал раньше, вот кто не ошибется в идентификации! Еще со времен Кунаева повелось, что если не того выдал в эфир, сам эфир будешь нюхать.

Агзамов сошел с троллейбуса и задумался, то ли перейти улицу на светофор, то ли по подземному переходу. По светофору, конечно, быстрее, но Агзамову нужна была стопроцентная безопасность.

Спустившись в подземку, он очень пожалел о принятом решении, ведь в последний раз он пользовался переходом лет двадцать назад, тогда это было приятно, особенно летом, здесь было прохладно, в киоске можно было купить газету, стояли автоматы с газированной водой. Зато теперь через каждые пять шагов сидели нищие, кто-то кинув на пол шляпу, пел под гитару. Какой-то поэтишка, приставая к прохожим, читал стихи, дородная бабка продавала пирожки, безногий инвалид катил на плоской каталке и толпы прохожих, порой нарядных, порой не очень, шли вместе с Агзамовым, торопясь выбраться из этого подземелья.

Агзамову бы тоже побыстрее убраться отсюда, но тут его внимание привлек плакат, в котором он с приятным изумлением узнал изображение Ахурамазды, дающего наставление Зороастру, над их головами стояло сияние, а между ними в большом котле горел огонь.

«Так это сияние же – фарн, хварна», – мелькнуло в мозгу у Агзамова. Он когда-то занимался этим вопросом, но тогда это была запретная тема. Тираж изъяли, книгу сожгли, выдвижение на премию Ленинского комсомола сорвалось. В одно мгновение он стал еретиком и диссидентом. А теперь это тема – достояние массового сознания. Вон к плакату тянут шеи, и старик в берете, и молодая стильная женщина в модных очках, и худосочный интеллегентик бомжеватого вида.

– Так, что же там написано?

Под портретом иранского царя была расположена следующая надпись:

«Хварна – (зенд.), частица божественной силы и мудрости, даруемая нам и приближающая человека к его Отцу. Она не только освобождает от рабства судьбы, но и возносит над ограниченным временем. Обычно хварну изображают как светящийся нимб. Божественный огонь преобразует не только наш внутренний мир, но и внешний вид, и если человек получил этот дар, то у него на теле обнаруживаются его признаки.

По своим масштабам, силе и способу получения хварна делится на три вида. Самой главной является хварна царя, которая дается по Божьей воле в счет будущих великих дел. Хварна жреца переходит по наследству и служит признаком чистоты рода, наградой за благие дела предков человека. Хварной воина человек награждается за добрые дела при этой жизни. Символами трех хварн являются три огня, горящие в зороастрийских храмах».

Конечно же, это были минимальные сведения о хварне, Агзамов знал об этом гораздо больше, но он никогда это не примеривал к себе, его это интересовало чисто в научном плане, ну и в плане идеологического подспорья, как аргумент в пользу избранности кочевников и их пути на мировой арене. Правда, его друг Адоев, который первым в Советском Союзе стал изучать эту тему, не разделял его мнения. Он считал это чисто иранским явлением, но что делать, что делать, тюрки для Агзамыча были дороже.

Между тем, людей у плаката становилось все больше. Среди них были и русские, и казахи, и чеченцы, и женщины, и старики, и дети. Агзамыча удивил такой интерес к странной, экзотической теме, но в это время к плакату протиснулся смуглый горбоносый парень с подносом, на котором горело три свечи – высокая, поменьше и еще меньше.

– Покупайте хварну! – заверещал продавец. – Дешево продаю, покупайте! Царская хварна – 20 долларов! Жреческая – 10! Воинская – 5! Покупаете эти свечи, загадываете желание, и оно сбудется, но если к свечам вы купите и молитвы, то оно обязательно сбудется. Молитвы стоят всего 5 долларов. Деньги принимаются и в рублях, и в долларах!

К продавцу подбежала невзрачная женщина в плохоньком, куцем пальто:

– А женская есть?

– Есть! – не растерялся горбоносый и сунул ей в руку самую маленькую свечку. – А молитву можешь взять бесплатно! Для тебя скидка! – улыбнулся он женщине, протянувшей ему, по всей видимости, последние деньги.

Что тут началось! К продавцу потянулись разнокалиберные руки и деньги. Многие требовали непременно царскую хварну! Свечи так и отлетали!

С недавних пор Агзамыч стал замечать, что многие люди, в том числе и ученые, и писатели, и философы, как в омут, бросились в религию, мистику и прочие оккультизмы. Поначалу это его раздражало: «Книг у писателей не покупают, а на всякую ерунду отдают последние деньги!». Потом он стал размышлять и только сейчас его озарило: «Так что же остается бедным людям, если государством своим они брошены, социальные институты не работают, остается только рассчитывать на тайные высшие силы, которые защитят и поддержат. По крайней мере, это твой выбор, ты сам решаешь связаться тебе с ними или нет, покупать реликвии или не стоит. Человек устроен так, что любая глупость из собственных уст ему дороже чужого ума. И, тем не менее, всегда найдутся люди, испытывающие нечто подобное. Постепенно ты чувствуешь себя не так одиноко и даже напротив, связанным с целым миром людей с подобными же запросами и подобным же образом мыслей. Получается, что у нас такой же разброд и шатания, как во время падения Римской империи, но ведь это падение породило христианство, возможно, и мы стоим на пороге создания новой религии».

Агзамыч как замороженный тоже решил купить себе свечу. Подойдя к продавцу, он увидел за его спиной книжную полку, заставленную брошюрками и среди них свою книжку о хварне.

«Боже мой! Значит, не все сожгли!» – пронеслось у него в сознании. «Но как же так, ее даже у меня сейчас нет, а у них есть. Пусть отдадут ее мне, это моя книга!»

– Эй, подбежал он к продавцу, – отдай мою книгу! Это моя книга! – кричал он, указывая на книжную полку.

– Уважаемый, какая книга? – улыбнулся продавец. – Я книг не продаю.

– Вон та, на полке! Вон видите – «Р.А. Адоев, А.А.Агзамов. Тюркская хварна». Агзамов это я, отдайте мне мою книгу!

Продавец вопросительно посмотрел куда-то в толпу. Вдруг, откуда ни возьмись, к Агзамову подошли два плотных парня бритых под полубокс и вежливо, но сильно взяв за локоть, потащили по длинному коридору.

Через некоторое время показалась бледно-зеленая дверца трансформаторной будки. Один из братьев вставил ключ и открыл ее. За ней показалась дверца лифта. Ребята втащили упирающегося господинчика в лифт и тот стремительно стал падать вниз, как будто в самую преисподнюю. Вскоре дверца лифта открылась и их выбросило в слабо освещенный подвал, где бегали только крысы. Агзамыча передернуло, он подумал, что его оставят на съедение этим тварям. Чувствовалось что и самой братве тут не особо уютно, один из них приник ухом

к двери и стал внимательно вслушиваться. Оттуда раздалась какая-то музыка и послышалась протяжная блатная песня. Это были «Журавли». Ребята переглянулись и заулыбались.

– Э-э, значит, шеф в хорошем настроении, – усмехнулся фиксатый. Какое-то время они послушали трогательную псенью. В подвале стало так тихо, что исчезли даже крысы. В этой благоговейной тишине особенно четко прозвучал последний куплет.

*Так и в жизни порой отстаем мы от стаи крылатой,
Хоть и знаем о том, что законы о дружбе все святы.
Но порою судьба начинает шутить и смеяться —
И друзья отойдут, и друзья отойдут и никто не поможет
подняться.*

Далее ребята не стали медлить. Фиксатый постучался условным стуком, створки железной двери автоматически открылись и он втолкнул Агзамова в большое помещение, очень похожее на приемную. Они оказались, действительно, в роскошной приемной, где в кожаных креслах напротив пышногрудой молоденькой секретарши сидели знакомые все лица. Агзамов хоть и не был с некоторыми знаком, знал их по телевидению или всякого рода билбордам и рекламным плакатам.

Самым первым здесь с головы до ног весь в белом, как арабский шейх, восседал так называемый Сары Аулие, чьи лечебные сеансы собирали целые стадионы, за ним Агзамыч с удивлением обнаружил Бекбола Дукунова, организатора музыкального фестиваля «Поющая Азия», еще более его удивление возросло, когда он вслед за ним увидел спокойно беседующих Утеша, владельца фирмы «Утя» и Ерлана, хозяина автосалона «Наймани-авто», а далее – кто бы мог подумать – сидел Алмаз, по кличке «Черный», родной племянник столичного мэра!

Агзамова поразило, что эти столь разностатусные люди сидели в этом бункере, как будто на приеме высокопоставленного чиновника, а там за за двустворчатой дверью беззаботно пел свои блатные песни хозяин криминальной земли казахской. Иначе ведь и не скажешь, поскольку стены приемной были увешаны портретами Кенесары, Мустафы Чокая и почему-то Александра Матросова. Последнему обстоятельству многие, наверное, удивились бы, но Агзамов был уже знаком с последними материалами в газетах, где прямо объявлялось, что легендарный герой-детдомовец был не русским, а башкиром. Правда, Агзамов сомневался в этом, но обстановка была здесь настолько однозначной, что ему сразу стало не до сомнений. Между тем, братки открыли двустворчатую дверь и ввели Агзамова в ярко освещенный зал, где за довольно загаженным дастарханом с остатками еды и пепельницами полными окурков, полулежало и сидело несколько мужчин и женщин. Кондиционеры из всех сил пытались очистить прокуренный воздух. Из-за этого в зале было холодно и неудобно, как над пропастью в горах. В глубине комнаты опираясь локтем на подушку, с гитарой в руке, полулежал на боку грузный мужчина, черноволосый и седобородый, с красивыми черными бровями и сетью морщин под глазами. Это соединение молодости и старчества завораживало.

Хаурики подвели Агзамыча к нему и загнув ему руки за плечи, заставили поклониться.

– Ох, ты, – в удивлении приподнял свои изогнутые брови мужчина, к нам сам Агзамов пожаловал! – Ладно, – снисходительно сказал он, покосившись на своих боевиков, – отпустите аксакала и рассоситесь. Я с ним буду сам разговаривать.

После того как ребята исчезли за дверью, мужчина важно воззрился на Агзамыча, который довольный тем, что его хоть кто-то узнал, расплылся в довольной улыбке.

– Чего лыбишься? Ты хоть знаешь, кто я такой? – раздраженно просипел мужчина, и поняв, что господинчик не в курсе, кто перед ним, громоподобно произнес:

– Я – Сивый Арлан, по казахски, Кокжал!

Агзамыч не успев погасить улыбку, напряженно размышлял, кто же это мог быть. Он краем уха слышал о каком-то казахском мафиози, который сумел всех подмять под себя и заправлял всем теневым бизнесом в Казахстане, как то казино, проституция, автозаправки, автосалоны и т. п., но это было так далеко от его интересов, что он никогда не вдавался в подробности. И вот теперь он никак не мог понять, зачем он понадобился этому сивому авторитету и что ему ждать от этой курьезной и даже одиозной встречи.

– Э-э-э, – сглотнул улыбку Агзамов. – Вы тот самый... э-э-э... авторитет?..

– Бери выше! – оборвал его Сивый Арлан. – Я гроза всех авторитетов в нашем казахском болоте. – Я вор в законе всесоюзного масштаба.

– Но... Союза сейчас нет, – сдавленно произнес Агзамыч.

– Как нет? – вскричал Сивый Арлан, и, сев на корпеше, рванул на груди майку. Агзамыч отпрянул – на его широкой груди красовались татуировки Ленина, Сталина. а на животе – волчья голова с ощеренной пастью.

– А этот кто? – робко выдавил из себя Агзамов, указывая на последнюю татуировку.

– А это тот, кого я выращиваю в себе и из себя...

– Разумно, – чуть иронично сказал Агзамов.

– Ты заметил, что я одновременно черноволосый и седобородый?

– Это трудно не заметить...

– В том-то и дело. У нас, будь ты хоть семи пядей во лбу, но если ты не аксакал, никто тебя за человека не будет считать. Но, честно говоря, наши аксакалы настолько уже поизносились, что еле жуют своими вставными челюстями. Поэтому я решил не связывать себя только с ними, как видишь, ношу свои естественные черные волосы. Вот только бороду пришлось обелить. Зато теперь я весомей смотрюсь, не так ли?

Агзамов промолчал. Он не любил самовлюбленных людей. И все эти самопанегирики начинали его раздражать.

Сивый Арлан не видя прямой поддержки от Агзамова, тоже почувствовал себя уязвленным.

– Что молчишь? Белены объелся? Ты хоть знаешь, почему я сюда тебя позвал?

Поелозив рукой за спиной, он вытащил книгу про тюркскую хварну.

– Это твоя книжка?

– Моя и Адоева.

– Отныне она будет только твоей.

– Почему?

– Ты напишешь, что у тюрков была только царская хварна. А я подарю ее нашему Президенту.

– Но это не так. Тюркская хварна называлась кутом и ею мог обладать каждый тюрк, избранный богом.

– Ты прекрасно знаешь по тюркским надписям, что кут принадлежал только царю и царице, ибо они олицетворяли свой народ.

– Эти надписи не показатель, их писали только для этих царей.

– Значит, не будешь писать?

– Я уже все написал в своей книжке.

– Это неправильная книжка, значит и ты неправильный. А, ну-ка, братва, – закричал он, повернувшись к двери, – вправьте ему мозги и через три дня найдите где угодно и приведите обратно.

– Отдайте мою книгу!

– Она тебе без надобности. Ты напишешь новую.

В открывшуюся дверь вбежали знакомые боевики, и, скрутив Агзамову руки за спиной, потащили по коридору. Потом они втолкнули его в лифт и стремительно поднявшись вверх, затащили его в туалет.

– Ты кто? – спросил его тот, кто был потолще.

Агзамов не знал, что отвечать. Он понимал, что он уже не он, но кем теперь стал, он еще не знал. Между тем, угроза физической расправы была очень реальной.

– Я... никто, – искренне ответил Агзамов.

– А почему так одет, – резонно спросил бритый толстяк.

И тут Агзамов, потерявший всякую связь с собою прежним, обратил внимание, что хоть одежда ему не изменила. Он по-прежнему был одет в дорогую коричневую тройку, держал в руках кейс из крокодиловой кожи, а если бы эти братки знали сколько стоят его очки, они первым делом молча сняли бы их и убежали.

– А что, нельзя? – сыграл наивняка Агзамов.

– Гони деньги, – вернул его в грубую реальность толстяк.

– Я без денег, – буднично ответил человек в роскошной тройке.

– Тогда раздевайся, – толстяк уже явно не миндальничал.

– Но... как же так... я же останусь голым.

– Не бойся, нам трусы твои не нужны.

Агзамов вспомнил знаменитый совет Ленина и стал раздеваться.

Сначала он снял свои дорогие итальянские туфли, потом брюки и только потом почему-то верхнюю одежду.

Он думал, что на этом достаточно, но второй бандит схватил его за галстук и так сдавил горло, что Агзамов мгновенно снял все остальное, вплоть до часов и золотой печатки. Новоказахской цепи, он, слава Аллаху, не носил. Он хотел было снять и носки, но тут братки напихали все в черную сумку, толстяк вежливо хлопнул Агзамова по пузу с седыми волосиками и, обняв за плечо напарника с сумкой, пошел к выходу. Через мгновение Агзамов услышал стук захлопнувшейся двери и остался один.

О происшедшем напоминало только то, что он остался в одних трусах. И хоть убей его, он не мог бы описать своих грабителей. Они могли быть и русскими, и казахами, и инопланетянами, ибо настолько отвечали современному «тайсоновскому» типу, что другими быть не могли. Сдерживаемые переживания, видимо, настолько переполнили Агзамова, что он срочно захотел «по большому». Влетев в кабинку, он дал такую пулеметную очередь, что унитаз явно должен был провалиться. Разряд следовал за разрядом, но Агзамов понимал, что до завершения далеко. «Откуда во мне столько дерьма?» – недоумевал Агзамов, без нужды поправляя очки, которые забыли прибрать грабители. В желудке стало хорошо, Агзамов подобрел, и все происшедшее предстало перед ним в смешном свете. «Вот я на «очке» и с очками», – улыбнулся Агзамов. – Но я теперь не нужен со своими очками. Во-первых, нынешней реальности не нужны очки, во-вторых, это очки не той диоптрии, они никогда не подойдут к нынешней реальности».

В этот момент в туалет вошли двое, судя по голосам, мужчина и женщина. Агзамов не знал, что делать. Он понимал, что не может выйти, пока не выйдет женщина, но женщина выходить не торопилась.

– Вы что предпочитаете, минет, или... – деловито спросил женский голос.

Или, – ответил одышливый мужской баритон.

– Может, лучше все-таки минет? – галантно переспросила женщина.

– Ты за кого меня принимаешь? – рывкнул мужчина. – Я бывший чемпион по биатлону. Пошли, шлюха! – и поволок ее в кабину.

Агзамов натянув трусы, сидел на закрытом унитазе и пытался понять национальную принадлежность столь неожиданных посетителей. Они могли быть и казахами, и русскими,

ведь русский язык настолько всех нивелирует, что скорее по говору, рязанскому или московскому, можно опознать русских, чем иноязычных. Это что-то удивительное, казахов теперь не узнаешь ни по внешнему виду, ни по языку, ни даже по тактильным ощущениям, – вспомнил он недавних бандитов.

Но в это время мужчина ритмично задышал, женщина стала повизгивать, и темп всего этого настолько нарастал, что не мог обещать ничего хорошего. Так оно и случилось. В какой-то момент послышался грохот повалившегося тела, женщина сдавленно ойкнула. Слышно было, что она пытается поднять мужчину, но, видимо, не получилось. Тогда она выскочила из кабинки, послышалась быстрая дробь каблучков и стук захлопнувшейся двери.

Агзамов сидел ни живой, ни мертвый. Мало того, что его ограбили, теперь могут обвинить в убийстве. В соседней кабинке было тихо, как в гробу, ни малейшего шороха, ни малейшего даже намека, что там что-то может двигаться и производить звуки. Интересно все-таки, что с ним?

Агзамов вышел из своего добровольного заточения, подошел к кабинке и открыл дверь. На полу возле унитаза, скрючившись, лежал огромный мужчина лет пятидесяти, в черной рубашке с галстуком, брюки болтающиеся в ногах обнажали задницу и все остальное, руки были закинута за голову. На внутренней перегородке кабинки висел снятый пиджак. Агзамов, наклонившись, потрогал сонную артерию, поднес пальцы к ноздрям мужчины. Ни пульса, ни дыхания. И тут только он понял, что голый, в одних трусах стоит над трупом человека, скончавшегося от излишнего сексуального перевозбуждения. Помочь он ему теперь ничем не мог, зато мог помочь себе. Он лихорадочно стал снимать с мужчины ботинки, брюки, в две секунды оделся и, прихватив с перегородки пиджак, бросился вон из туалета. Одежда была на полтора размера больше, чем требовалось. Кроме того, Агзамов побрезговал снять с трупа рубашку, теперь он, запахнув пиджак наподобие халата, со сведенными на пузе руками, торопливо поднимался по лестнице, туда, вверх, к божьему свету.

«Господи, – пронеслись в мозгу обрывки мыслей, – за свои шестьдесят три года чего я только не видел, с юных лет состою на учете КГБ, однажды чуть не погиб в раскопе, достиг всего, что мог достичь интеллект, и что в итоге?.. Меня как будто сбросили с двадцать пятого этажа, да еще приказывают жить... Хотя, честно говоря, никто не приказывает... Но разве с этой собакой... вернее, с этой собачьей жизнью так легко расстаться?..». Бережно обняв себя руками, он семенил какой-то быстрой, вкрадчивой походкой и никто не мог бы подумать, что это – бывший сотрясатель основ и властелин дум целого поколения.

В плену у мисс Ноль

Поднявшись на поверхность, Агзамов вдохнул свежий осенний воздух, пахнувший землею и сыростью, поднял голову к небу с кучевыми облаками, и не успел ни о чем толком подумать, как сзади раздался дробный стук каблучков, его подхватили за локоть, и, он, не успев ни о чем сообразить, побежал за высокой девушкой в зеленом платье. Она затащила его в соседний подъезд и жарким шепотом спросила:

– Чье это на тебе шмотье?

– Шмотье? – переспросил Агзамов. – М-мое, – сказал он замешкав.

– Не ври! – сердито шикнула на него интервентка, крепко сжимая его за локоть. – Это ты с того хухрика снял, который меня недотраhal! И, между прочим, не заплатил!

– С какого... хухрика? – все не мог прийти в себя бывшая знаменитость.

– Который кокнулся в туалете, – более чем однозначно сказала девушка. – Слушай, я вижу ты тормознутый какой-то. Давай пошеруди в карманах, там должен быть бумажник.

– Да вы что, я не лазаю по чужим карманам, – брезгливо поморщился сын великого классика.

– Надо же какой чистюля! А пиджак снять с мертвеца не погнушался! Это похуже чем снимать на парики волосы с мертвых старушек. Помнишь, «Ворота Расёмон»?

И тут только Агзамов обратил внимание, что девушка абсолютно лысая, точнее, безжалостным образом обрита. Как говорится, до образа нуля. «Мисс Ноль», – мелькнуло в мозгу Агзамыча.

– Вы считаете меня мародером? – беспомощно воззрился он на девушку.

– Здесь не место такой литературщине, – сказала девушка и быстро пошуровав в кармане его брюк, вытащила бумажник. Там оказалась толстая пачка долларов. Девушка взяла себе сто долларов, потом лукаво посмотрела на Агзамова.

– Остальное я оставляю тебе!

– Мне? С какой стати?

– Ты на себя посмотри. Даже чучело огородное лучше выглядит. Тебе надо хоть одежду купить.

С тех пор как Агзамов попал в эту передрыгу, у него не было ни секунды на размышления, обстоятельства были сильнее его. А он привыкший к рассудительности и рефлексии, привыкший обдумывать каждый свой шаг месяцами, всегда примерявший на себя образы литературных героев, вот уже сорок лет размышлявший над очередной строчкой своего так и не написанного романа, теперь только виновато промямлил:

– Да, наверное.

– Пошли.

Девушка подхватила его под локоть, и через некоторое время из магазина одежды Французского дома вышел шикарный господин и не менее шикарная девушка со своей обритой головой очень похожая на манекен.

– Ну, что гуляем? – кокетливо спросила девушка.

Поймав такси, они покатали в горы, чтобы как сказала девушка: «Расслабиться».

Агзамову самому стало интересно, кто он теперь – прежний Агзамов или судьба дает ему шанс отторгнуть себя прежнего и попробовать начать все сначала, как говорится с чистого листа. С другой стороны, ему было как-то не с руки, нереспектабельно находиться рядом со столь сомнительной личностью, как эта девушка. Ведь он совсем ничего не знает о ней, кроме того, что она, видимо, проститутка, и... почти воровка. Но она почему-то все деньги отдала ему, Агзамов по простоте душевной принял эти деньги (ведь ему же надо

было одеться), но теперь он решительно не понимал, что с ними делать. И вообще, куда он едет и... с кем?

– М-м...э-э... простите, как вас зовут?

– А мы разве уже не на «ты»?

– Но я Вас совсем не знаю...

– А я Вас так, как будто целую вечность. Ты такой славненький, как медвежонок!

Впрямь такой пушистый папусик!

– Фу, какая пошлость. Меня зовут Агзам Агзамович Агзамов...

Он ожидал, что она скажет: «Тот самый?», но девушка, видать, была далека от интеллигенции в третьем поколении.

– А меня Маша!

– Но ты же казашка!

– Какая какашка, я – Машка! Можно даже поласковой – Манька. Один дружок меня так и зовет «Манька-Обманка», а я что – я не возражаю. Как сказал другой мой дружок: «Женщина – другое имя соблазна»!

– Так ты казашка?

– Да что ты к этому так прицепился? Разве это так важно?

– Как «не важно»? Тебе безразлично, какой ты нации?

– Если честно, по барабану. Что это мне дает: виллу на взморье или беспроцентные кредиты?

– А что, обязательно надо что-то иметь со своей нации?

– А как же! В противном случае, зачем вообще нужно это дерьмо!

– Водитель! Остановите машину, я схожу!

– Нет, не останавливай! Сверни вон направо!

– Нет, езжайте прямо. Я вспомнил, куда мне надо. На Маркова-Аль-Фараби!

– Что ты там потерял?

– Не твое дело. Помалкивай, не то высажу из машины.

Маша благоразумно промолчала. В сущности, ей было все равно куда ехать. Она была из нынешнего постперестроечного поколения, которое никуда не спешило, ничего не хотело, ничем не увлекалось и, потому, получало все блага жизни даром.

Агзамов лихорадочно думал, как теперь ему быть. К Гадикову он так и не попал. Да и к другим, наверно, тоже не попадет. Ведь у него нет никаких документов. А без них ни в одно учреждение не пропустят, сейчас везде развели такую охрану, что только держись. Однажды даже в театральной проходной его обыскали, как террориста. Можно, конечно, позвонить, но он забыл подзарядить мобильник, а все телефоны там, в адресной книге. Значит, надо ехать не к сильным мира сего, а к кому-то из простых смертных, благо, к ним доступ есть всегда, в любое время суток. Это такое же дармовое удовольствие, как поток воздуха, как пинок по собаке. Можно даже сказать, что еще проще, ибо не каждую собаку ведь пнешь, иная может и укусить... Нет ныне ничего дешевле простого человека, даже вода дороже, ведь ее приходится покупать, не из арыка же пить. Да, надо ехать к кому-то из друзей. Но все его друзья теперь важные шишки, у них та же охрана, ротвейлеры всякие. Сын в Сингапуре, с женой они в разводе, да и как скажешь женщине о таком? И тут он вспомнил об одном поэте, которому когда-то в бытность свою депутатом крупно помог, выбил ему квартиру уже тогда, когда тот, отчаявшись пробить себе путь в столице, собрался ехать домой, в аул. Это был колоритный парень – широкоплечий, широкоскулый, с квадратным дравидским подбородком, с размашистым разлетом бровей, только глаза были узкие и смотрели из-под очков очень внимательно, испытующе, иногда зло и недобро. Но в целом он был добродушен и особенно привлекал к нему его смех – раскатистый, роскошный, как сказал один заезжий русский писатель, смех голливудской кинозвезды. Смеясь, он запро-

кидывал голову с шевелюрой длинных иссиня-черных волос, рассыпанных по плечам, как у индейца. Он был так колоритен, в нем было столько пышущего здоровья, что как-то не замечалось, что он ходит на костылях, волоча за собой маленькие, как у подростка, параличичные ноги. Агзамов заприметил его после первой же его статьи в республиканском литературном журнале. А когда они познакомились на одном из писательских застолий, он пригласил его к себе на работу. С тех пор они и подружились, сын великого писателя, сам уже сделавший себе громкое имя и самонадеянный парень из аула, который даже не замечал того, что он инвалид. Агзамову нравилось, что Айхан смотрит на него снизу вверх, с искренним почтением и обожанием. Однажды, когда Агзамов выдвигался в депутаты, недоброжелатели устроили ему обструкцию, тыча в неблагоприятные факты его биографии, ведь он был трижды женат и не был членом партии. Надо было видеть тогда Айхана, как его это все возмутило! Он защищал Агзамова с яростью льва и такой убежденностью, что врагам оставалось только сдаться на милость победителя. Агзамов, конечно же, прошел в депутаты, а через несколько лет уехал послом в Индию. Каково же было его удивление, когда по окончании своей миссии, приехав домой, он стал видеть Айхана чуть ли не еженедельно по «ящику», а фото его не слезало с разворота самых популярных газет. Да, теперь многое изменилось – на телевидении свирепствовала реклама, город задыхался от обилия подержанных иномарок и совсем новеньких аляповатых джипов, неугомонные неоновые вывески звали в рестораны и казино, улица Саина стала чуть ли не официальным пристанищем проституток, в воздухе стоял запах крупных «безбашенных» денег и продажного секса. Причем этот запах стоял не только на улице, но и пропитывал самые высокие кабинеты. То ли оттого, что чиновники любили душиться и вынаряживаться в самые роскошные костюмы, то ли от безупречной побритости лоснящихся счастьем розоватеньких щек, то ли от всеобщей какой-то безвкусной напомаженности, – все эти упитанные, самодовольные мужчины казались самыми дешевыми продажными женщинами, которыми побрезговал бы самый последний шудра. Может, Агзамов не мог опомниться после Индии с ее четкой социальной структурированностью, но куда бы он ни зашел в Астане, все люди самых разных рангов и положений казались ему непристойно сексуальными и непристойно дешевыми, настолько дешевыми, что трудно было с ними здороваться. А здороваться надо было, ибо Агзамову нужно было пробиться на прием к 01-му, как тут величали хозяина этой страны. При этом Агзамычу казалось показательным это беспомощное ноль перед такой величественной единицей. Это сочетание цифр у него всегда ассоциировалось с дозвоном в пожарную службу, и это тоже было примечательно, поскольку всегда должен быть кто-то, кто организовал бы пожар, прежде чем звать службу тушения. Словом, 01-ый его не принял, и Агзамыч долгое время ходил, как пришибленный. И было отчего, ведь он привык, что он – государственная величина, Его Превосходительство, а тут на-те, – выбросили, как ветошь, и даже не посчитали нужным объясниться. Агзамыч стал приглядываться к людям и выяснил, что недовольных больше чем достаточно. Тогда он собрал своих старых друзей и организовал оппозиционное движение, которое вскоре превратилось в партию. Тогда-то ему и пригодился Айхан, ставший к тому времени новомодным властителем дум и кумиром нового поколения. Неожиданно он стал ярым западником и проводником постмодернизма в Казахстане. Его публицистика оставляла впечатление подожженной на глазах у зрителя пороховой бочки, философские статьи поражали каким-то инопланетным взглядом на вещи. Стихи и эпиграммы были поримски циничны и язычески непристойны. Они сделали вместе много славных дел, в том числе открыли журнал, который Айхан возглавляет до сих пор. Поэтому Агзамыч и решил, что надо открыться Айхану и вместе решить как же быть дальше, как Агзамову вернуть свое былое агзамовское достоинство.

– Сверните в этот проулок и заезжайте во двор, – сказал Агзамов при виде знакомого пятиэтажного дома, где жил Айхан. Таксист заехал и остановился перед указанным подъездом.

– Ты посиди, – сказал Агзамыч, оглянувшись к Маньке, сидящей на заднем сиденье. – Я недолго, возьмем одного друга и поедem куда-нибудь отдохнем.

– Ой, какой страшный подъезд! – не удержалась Маша, увидев расхристанную дверь, держащуюся на честном слове. Подъезд действительно был из тех, которые встретишь только в беднейших районах Индии, а здесь даже в профессорских домах, каковым и был этот дом, не редки такие подъезды. Он был, как отрывка советского менталитета, – весь в окурках, пивных банках, обрывках газет, со стенами, покрашенными в тюремный темно-синий цвет. Агзамов не удивился, что на полуэтаже перед раскрытой форточкой мирно дремлет бомж, спокойно обогнул его и поднялся на второй этаж. К его удивлению, дверь открыла незнакомая женщина, похожая на известную певицу Лолиту. Рослая статная, с дремучими, развратными глазами, она стояла в пеньюаре и лениво разглядывала незнакомое мужчину. Агзамов и тут не очень удивился, поскольку прекрасно знал пристрастие своего дружка к женщинам и алкоголю.

– Я к Айхану, можно войти? – приветливо попросился он.

– К какому Айхану?

– Ну, насколько я знаю, тут только один Айхан живет, – несколько раздраженно произнес Агзамов.

– Нет тут никакого Айхана. Они давно переехали. Он дом купил в Тау-Самале.

– Не может быть! Он всегда жил в этом доме! – пролепетал Агзамов. Он-то прекрасно знал, что дом купить его дружку не на что, не заработал он еще таких денег. Эта женщина нагло обманывала его, почему-то пряча от него Айхана. Но с другой стороны его вообще поражало присутствие этой женщины в этой квартире, поскольку Айхан был женат и славился как примерный семьянин. Немного отстранив женщину, он закричал:

– Айхан! Это я, Агзамыч!

Но вместо Айхана показался парень похожий на Цекало.

– Чего тебе надобно, старче? – мирно спросил веселый коротышка.

– Здесь живет мой друг, куда вы его дели?

– Тебе же объяснили, папаша, он переехал. Ему новый мэр квартиру подарил.

Это уже было более правдоподобно, но для очистки совести он попросился в квартиру и его спокойно пустили.

– Может, он оставил какие-то координаты? – повернулся он к знойной женщине, продолжающей невинно стоять в пеньюаре. Агзамову даже показалось, что это единственное подобие одежды, нисколько не скрывающее соблазнительные подробности ее изобильного тела.

– Вы знаете, нет. Он сказал только, что его всегда можно будет найти в казино «Шахерезада».

– А где это казино?

– А шут его знает...

Осмотревшись в прихожей, Агзамыч обнаружил, что в квартире Айхана всё начисто изменилось. Но больше всего его поразило то, что внутренние перегородки стали прозрачными. Взглянув на кухню, он увидел стоящего на голове Цекало, а в зале шла какая-то бурная дискуссия между четырьмя мужчинами. Один из них, седой, с высоким крутым лбом и крупным швабским носом что-то медленно проговаривал, в то время как другой – сухощавый и со встопорщенными усами, как у молодого Максима Горького, размахивал руками, метался из стороны в сторону, то и дело отменяя доводы седого старца. Третий в античной тоге, со смуглым лицом, курчавыми волосами и горящими глазами, сложив руки на груди,

стоял подле первого, снисходительно улыбаясь. Четвертый сидел в глубине комнаты у окна и меланхолично поигрывал револьвером, целясь то во второго, то в первого. Айхана нигде не было. Зато над столом, где восседал спокойный как танк старик, Агзамыч увидел портрет степного балбала в натуральную величину. Агзамов тут же узнал его. Это был его подарок Айхану в честь его 40-летия. Поигрывавший пистолетом молодой человек, очень похожий на латинуса, а если точнее, на Тарантино, стал целиться в балбала. Вдруг с глаз Агзамыча как будто пелена спала, он понял, что это, действительно, Тарантино, а тот усатый – наверняка Ницше. Третий смахивал на Гераклита. Только вот старика он никак не мог распознать, он напоминал ему какого-то голливудского актера, но, черт возьми, кто же он?

– Кто этот старик? – спросил он Лолиту.

– А, этот крутолобый, который сказал, что язык – дом бытия, что ли? У него фамилия сложная... ХайдЕггер, кажись?

– А, Хайдеггер! – обрадовался Агзамыч, вспомнив статью Айхана «Инобытие или Дом бытия?». – А эти, выходит, Ницше и Тарантино?

– Да, они самые!

– А это кто?

– Господь с тобой, да это же Гераклит!

– А ты Лолита?

– Я – Лолита.

– Но что вы тут делаете?

Но в это время к нему подскочил Тарантино и, сунув в нос пистолет, прорычал:

– А ты тут что делаешь? А ну вон отсюда!

Агзамыч кинулся к двери, открыл защелку, толкнул дверь, и, выскочив на лестничную площадку, побежал вниз по лестнице, но на полуэтаже грохнулся, споткнувшись об бомжа. Бомж даже не пошевелился, так и лежал, улыбаясь, погруженный в какие-то сладкие грезы.

Агзамыч, медленно спускаясь по лестнице, обернулся – его поразила мысль, что он может окончить свои дни таким же незамысловатым образом. «Да и чем же я лучше бомжа, – думал он по дороге к машине. – Я и есть бомж, человек без определенного местожительства, не имеющий ни семьи, ни работы, ни надежды хоть как-то вернуться в свою былую привычную жизнь. Чем больше я пытаюсь в нее вернуться, тем больше меня от нее откидывает. Я даже не бомж, ибо даже бомж имеет какой-то социальный статус. Я хуже, я – никто, я – странное существо, пережившее собственную сущность».

Когда он медленно сел в машину, Маша поняла, что что-то не так.

– Что с другом? Он не едет с нами?

– Его вообще нет – исчез, испарился. Вместо него в его квартире то ли духи, то ли актеры. Я так ничего и не понял.

– Не может быть. Не может человек испариться в миллионном городе!

– В миллионном городе как раз испариться легче всего. Хотя... мне сказали, что он часто бывает в каком-то казино.

– В каком?

– Кажется, «Шахерезада».

– Нет ничего легче! Я знаю, где это находится! Давай, жми до Ленина! – повернулась она к водителю.

В казино

Они поехали по Аль-Фараби, переехали Фурманова, и только тогда Агзамов заметил, как изменился город, когда-то величественная Алма-Ата, а теперь неудобоваримое, какое-то куцее – Алматы. Однако, несмотря на невыразительное название, в бывшей столице выросло множество суперсовременных высотных комплексов, которых можно было видеть с любой точки города. Если ранее единственной высоткой кунаевской столицы была 25-этажная гостиница «Казахстан», на фоне новеньких «куатовских» высоток, она смотрелась эдаким архитектурным динозавром, мирно доживающим свои дни на чужом празднике жизни, на фоне пятизвездочных отелей с чудными иностранными наименованиями типа «Рахат-Палас», «Анкара», «Сингафредо». Но в то же время состояние дорог было такое, как будто по ним каждый день катаются на танках. Разметки куда-то делись, асфальтовое покрытие было латано-перелатано, рытвины имперского размера сочетались с новоявленными «скрытыми полицейскими». В общем, Агзамов так растрясло, что он с тоской вспоминал об индийских рикшах, бережных к каждому своему пассажиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.